

НЕМЕЦКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И РОССИЙСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ

Статья посвящена русско-немецким литературным контактам. В ней исследуется динамика публикаций русских переводов немецкой художественно-исторической прозы второй половины XIX века и история ее рецепции в России.

Расцвет литературного жанра, который принято называть историческим жанром, исследователи литературы ассоциируют с первой половиной XIX века. Волна всеобщей «скоттомании» захлестнула и германские земли в 1820–30-х годах. Однако по-настоящему массовое увлечение в Германии и писателей, и читателей новым литературным

жанром приходится на вторую половину XIX века. Немецкая историческая проза этого периода представлена широким спектром авторов и весьма внушительным количеством разноплановых в типологическом и художественном отношении произведений¹. Многие из них не выдержали проверку временем и сегодня забыты, оказавшись литературными

однодневками, данью традиции, канону, моде, следствием общественно-политической и коммерческой конъюнктуры.

Г. Лукач имел достаточно оснований для того, чтобы охарактеризовать немецкий исторический роман второй половины XIX века как «смертельно скучный», как «более или менее занимательное чтение», составленное из «антикварной или авантюрной, мифической или интригующей экзотики», а его авторов — как «братские могилы бывших знаменитостей»². С этими характеристиками трудно не согласиться, имея в виду массовый исторический роман, однако в «братских могилах» Лукача оказались похороненными заодно со «скучными» и «недолговечными» многие интересные, обладающие самодостаточной художественной ценностью произведения. В их числе такие — воспользуемся удачной формулировкой А. В. Михайлова — «подлинно творческие, настоящие встречи художника и истории», как «Эккехард» («Ekkehard», 1855) Й. В. фон Шеффеля, «Гусиный бунт в Бютцове» («Die Gänse von Bützow», 1865–1866) В. Раабе, «Витико» («Witiko», 1865–1867) А. Штифтера, «Аспазия» («Aspasia», 1876) Р. Хамерлинга, «Шах фон Вутенов» («Schach von Wuthenow», 1882) Т. Фонтане, «Нерон» («Nero», 1889) Э. Экштейна и др.

Вопреки прогнозам Лукача немецкая историческая проза второй половины XIX века оказалась востребована не только современниками, но и сегодняшним читателем. Она переиздается и переводится на другие языки. Подтверждением этому служит многолетняя история общения с ней российского читателя. Оно началось полтора века тому назад. С тех пор процесс коммуникации не прекращался, но отличался разной степенью интенсивности. Наиболее активно он осуществлялся в досоветской

России, читающая публика которой была весьма основательно осведомлена обо всех новинках, знаковых авторах и их подражателях, об основных направлениях развития этого жанра в современной ему Германии.

Самый распространенный путь немецкой исторической беллетристики к дореволюционному российскому читателю — это публикации в многочисленных так называемых «толстых» журналах. Это были популярные российские периодические издания разной идеологической направленности: «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русский вестник», «Мир божий», «Нива», «Живописное обозрение», «Исторический вестник», «Беседа», «Вестник иностранной литературы», «Всходы», «Север», «Киевская старина» и многие другие. Переводы выходили отдельными книгами и собраниями сочинений, а также в специальных журнально-литературных сериях: «Собрание иностранных романов», «Переводы отдельных романов», «Европейская семейная библиотека», «Библиотека для чтения», «Читальня народной школы», «Детская библиотека для легкого чтения», «Библиотека юного читателя», «Записки для чтения», «Библиотека дешевая и общедоступная» и др. Факт широкой распространенности немецкой исторической прозы в досоветской России зафиксирован в «Указателе исторических романов», составленном известным библиографом А. В. Мезьер в 1902 году³.

Помимо большого числа изданий этот факт подтверждается исследованиями, проводившимися под руководством социолога-экспериментатора, библиопсихолога Н. А. Рубакина. Результаты этих исследований нашли отражение в его работе «Этюды о русской читающей публике» (1898). Некоторые из них

весьма показательны для нашей темы. Рубакин сообщает, в частности, что наибольшим спросом у широкого читателя пользовались исторические романы: они оказались абсолютными лидерами по читательскому спросу и обороту в публичных библиотеках. В число наиболее востребованных авторов исторической прозы попали наряду с В. Скоттом, А. Дюма-отцом, М. А. Загоскиным, И. И. Лажечниковым, Д. Л. Мордовцевым, Е. А. Салиасом немцы Г. Борн, Э. Вернер и Г. Эберс, творчество которых приходится на вторую половину XIX века⁴.

К аналогичным результатам пришел и современный социолог литературы А. И. Рейтблат: «На протяжении второй половины XIX века популярность приобретали, как правило, книги, посвященные актуальным идеологическим вопросам (нередко — исторические романы, но они были тесно связаны с идейными исканиями современности)»⁵. В горячую двадцатку зарубежных авторов, наиболее популярных среди российских читателей публичных библиотек в конце XIX века, наряду с Гюго, А. Дюма-отцом, Купером, Сенкевичем и др. вошли и немецкие авторы исторических романов Борн, Вернер, Самаров⁶.

В XX веке перечень А. В. Мезьер в части переводов с немецкого был дополнен за счет издания на русском языке исторической прозы В. Раабе, Т. Шторма, Т. Фонтане и качественно новых переводов произведений Ф. Маутнера, К. Ф. Мейера, Р. Швейхеля, Г. Эберса, выходивших в центральных советских издательствах «Художественная литература», «Наука», «Правда». На рубеже XX–XXI веков широкий российский читатель получил возможность заново познакомиться еще с целым рядом немецких беллетристов (Ф. Даном, К. Бейером, А. Глазером, Г. Кенигом, Т. Мундтом, Л. Мюльбах, Г. Фрейтагом, А. Шперлем

и многими другими) за счет переиздания досоветских публикаций их исторических романов.

Первые отклики на немецкую историческую прозу второй половины XIX века появляются в дореволюционных «толстых» журналах. Журнальные рецензии и обзоры чутко и четко фиксируют основные тенденции ее развития и выделяют «мемуарно-исторические романы» Мюльбах, Мундта, Брахфогеля и др., «исторические романы приключений» Борна, Вернер и др., «культурно-исторические романы» Шеффеля, Фрейтага, Бейера, Швейхеля и др. (внутри последнего типа особое место отводится «научным романам» Эберса, Дана и др.). Наибольшей последовательностью, регулярностью и профессионализмом оценок отличаются публикации «Отечественных записок», «Русского слова», «Вестника Европы», «Исторического вестника», «Русской мысли». Многие из этих интерпретаций до сих пор не потеряли своей значимости и актуальности.

В этом смысле убедительным примером может послужить обзорная статья известного журналиста и историка искусства, активного сотрудника многих русских периодических изданий второй половины XIX века Ф. И. Булгакова «Исторический роман на западе» («Исторический вестник», 1884). Эта публикация представляет для нас особый интерес, так как в ней уделено специальное внимание немецкой исторической прозе второй половины XIX века.

Становление исторического жанра в Германии Булгаков связывает с творчеством В. Алексиса, лучшие романы которого «Спокойствие — первейший долг гражданина, или 50 лет тому назад» («Ruhe ist die erste Bürgerpflicht, oder vor 50 Jahren», 1852), «Изеграмм» («Isegrim», 1852), «Доротей» («Dorothee», 1856) приходятся на начало второй по-

ловины века⁷. По его мнению, именно Алексису, после преждевременной смерти В. Гауффа, небезосновательно досталось имя «немецкого Вальтер-Скотта»⁸. Благодаря его творчеству «историческая новеллистика не замедлила пустить корни в Германии», а причиной, благоприятствовавшей этому процессу, была «пробудившаяся потребность в развитии национального самосознания». Однако «самостоятельного значения исторический роман в Германии мог достигнуть только тогда, — пишет далее автор, — когда труды историков не оставили неразработанными почти ни одной из эпох, ни одного из важнейших периодов отечественной и всемирной истории. <...> Оживленная ими (историками — Е. З.) историческая наука оказала свое действие и на литературу. Явились крупные дарования, творчески воскресившие прошлые века. В их числе, без сомнения, первое место принадлежит Фрейтагу и Шеффелю»⁹, хотя относительно первого Булгаков делает целый ряд оговорок. В романах цикла «Предки» («Die Ahnen»: «Ingo und Ingrabau», 1872, «Das Nest der Zaunkönige», 1873, «Die Brüder aus deutschem Hause», 1875, «Markus König», 1876, «Die Geschwister», 1879, «Aus einer kleinen Stadt», 1880), выросших из так называемых культурно-исторических сочинений Фрейтага «Картины из немецкого прошлого» («Bilder aus der deutschen Vergangenheit», 1859–67), по справедливому замечанию автора статьи, «много искусственного и фальшивого». «Самый язык изысканный и несколько отделанный, особенно в первой части, многое кажется неопределенным и недостаточно мотивированным»¹⁰. Но, не смотря на это, в общем, «Ahnen» небезосновательно признается немцами национальным эпосом в форме романа <...>. Во Фрейтаге историк

культуры берет верх над поэтом-романистом»¹¹.

В противоположность Фрейтагу, «Шеффель <...> в своем «Eckehard'e» представляет замечательное сочетание поэта с историком». Шеффель-историк тщательно изучает монастырские хроники и другие свидетельства X века, запечатлевшие жизненные перипетии реальных исторических личностей — монаха Эккехарда и герцогини Швабской, Ядвиги. Шеффель-поэт делает их главными героями своего произведения, существенно меняя при этом событийную сторону и характер их взаимоотношений. Именно органичное сочетание творческого вымысла с «языком хрониста, чуждым всякой манерности и прикрас», позволяет ему, по мысли автора статьи, сделать из «старинных поблекших известий» «замечательный культурно-исторический роман», воссоздающий психологическую глубину чувств и поступков людей далекой эпохи¹².

Более детально Булгаков раскрывает особенности культурно-исторической прозы, анализируя «Византийские новеллы» («Bysantinische Novellen», 1881) Г. Линга, более известного как автора исторической поэмы-хроники «Переселение народов» («Die Völkerwanderung», 1866–68): «Политическая история служит для романиста всемирно-историческим фоном, на котором оттеняются явления внутренней, душевной жизни. <...> В основе рассказов Линга лежит глубокое изучение византийской истории, но романист умеет скрыть ученый балласт. <...> Они поучительны при внимательном их чтении, но в то же время в них нигде не видно намерения поучать. Помыслы и действия персонажей сливаются в общую гармонию, несколько не умаляя к себе интереса отдаленностью времени и не имея ничего

общего с современными нам понятиями. Персонажи эти думают, чувствуют, говорят и поступают в духе времени, изображаемого автором. Но современный читатель, при всем развитии своих воззрений на мир и жизнь, все-таки интересуется судьбою этих характеров иной эпохи, интересуется тем человеческим элементом, который во все времена и у всех народов остается вечно неизменным и только выражается в вечно изменяющихся формах»¹³.

В рамках культурно-исторической беллетристики Булгаков выделяет, кроме того, «научное направление» (позднее эта разновидность немецкого исторического романа второй половины XIX века получит название «профессорский роман») и связывает его с именем профессора Г. Эберса, написавшего на основании своих научных изысканий серию романов из истории Древнего Египта и немецкого средневековья. В поле зрения критика попадают четыре первых произведения Эберса-романиста: «Дочь египетского царя» («Eine ägyptische Königstochter», 1864), «Уарда» («Uarda», 1877), «Номо сум», 1878 и «Сестры» («Die Schwestern», 1880). Наряду с ценной культурологической составляющей исторических романов Эберса внимание автора статьи привлекает затронутая беллетристом в этих произведениях тема зарождения веры в единого бога (образ поэта Пентаура в романе «Уарда»), истинного и показного служения господу (образ анахорета в романе «Номо сум»), обретения счастья в вере (образ Клеи в романе «Сестры»). В завершение своего краткого обзора Булгаков, однако, отмечает: «Существенный недостаток произведений Эберса заключается в том, что антикварные подробности нередко весьма нехудожественно мешают свободному развитию действия»¹⁴.

В одной «связке» с Эберсом оказываются, по мысли Ф. И. Булгакова, «другой профессор (из Кенигсберга)» Ф. Дан, известный своим романом «Борьба за Рим» («Ein Kampf um Rom», 1876), и еще два литератора — Ю. Роденберг, редактор популярного журнала «Немецкое обозрение» («Deutsche Rundschau»), автор ряда романов, в том числе и на исторические сюжеты (на русский язык был переведен его роман «Кромвель» («Von Gottes Gnaden. Ein Roman aus Cromwells Zeiten», 1870), и Ю. Вольф, перу которого принадлежит исторический роман «Соляных дел мастер» («Der Sulfmeister», 1883): «Среда, обстановка играет у Дана и у Вольфа главную роль. В двухтомном романе Вольфа «Der Sulfmeister» костюм героя, дом, где живет он, профессия его описываются с мельчайшими подробностями, так как при стечении разных обстоятельств все это оказывает решительное влияние на образ действий персонажей»¹⁵.

В своем обзоре немецкой исторической прозы второй половины XIX века Булгаков намеренно коснулся лишь произведений культурно-исторического направления, считая, что именно среди его представителей можно отыскать на немецкой почве достойных наследников и продолжателей литературного жанра, созданного В. Скоттом¹⁶. В «освещении государственной деятельности передовых людей известной эпохи» критик усматривает много «произвольных идей и измышляемых автором мотивов»: «Такая участь всякой шумной, видной и мировой деятельности подлежать суду тенденциозному, кажется, должна бы предостеречь исторического романиста от попытки воспроизводить великие события или характеризовать поступки исторических лиц...»¹⁷. Тем не менее, такого рода роман был чрезвычайно популярным в Германии и хорошо извест-

ным российским читателям и критикам досоветского периода типом исторического романа.

Законодательницей мод в жанре так называемого мемуарно-исторического или историко-биографического романа критика единодушно считала Л. Мюльбах, автора многочисленных пространных сочинений о коронованных особах Германии и Европы от времен Тридцатилетней войны до современной ей эпохи. На русский язык были переведены ее романы «Шестая жена короля Генриха VIII» («Katharina Parr», 1851), «Фридрих Великий и его двор» («Friedrich der Grosse und sein Hof», 1853–54), «Трагедия королевы» («Maria Antoinette und ihr Sohn», 1867) и др. В жанре мемуарно-исторического романа написаны и поздние произведения известного младогерманца Т. Мундта, также переведенные на русский язык: «Граф Мирабо» («Graf Mirabeau» 1858), «Робеспьер» («Robespierre», 1859), «Царь Павел» («Czar Paul», 1861). В отзывах дается жесткая и беспощадная оценка исторической прозе подобного рода, но вместе с тем делается попытка объяснить причины ее широкой популярности у массового российского читателя. Так, Д. Френцель в «Русском слове» (1861) отмечает: «Мундт пишет «исторические романы» наперегонки со своею женою, Луизою Мюльбах. Здесь мы касаемся той точки литературы, где, само собой разумеется, прекращается всякая критика. <...> Фабрикация этих «романов» легка: все они состоят из какой-нибудь несчастной любовной интриги, к которой присоединяется извлечение из мемуаров и собранных анекдотов, частью представляемое в виде простой выписки, частью переложимое в форму разговора. Пример госпожи Мюльбах оказал зажигательное действие: везде стали появляться подражатели и подражательницы на откры-

том ею поприще. Частью такой мании содействует вкус публики к историческому чтению»¹⁸. «Русская мысль» (1890) пишет: «В своих сочинениях Луиза Мюльбах изображает исторических личностей, рисует их искусно и живо, но всегда такими, какими они ей нужны. Историческая правда всегда у нее страдает»¹⁹.

«К жалкому историко-романтическому роду, которым Луиза Мюльбах сплела себе золотые венки», относит уже упоминавшийся критик «Русского слова» и романы А. Э. Брахфогеля (речь, в частности, идет о «Фридемане Бахе» («Friedemann Bach», 1857) и «Бенони» («Benoni», 1860)²⁰. Аналогичный вывод о сочинениях Брахфогеля делает «Живописное обозрение» (1879): «Он произвел множество романов и повестей. <...> Его произведения читаются легко, возбуждают интерес ловко веденой интригой, разнообразием сюжетов, но вместе с тем они не оставляют глубокого впечатления в душе читателя и скоро забываются»²¹. Такого рода суждения можно обнаружить в отзывах российских критиков и в адрес многих других немецких авторов исторических романов и повестей, пользовавшихся популярностью у российского читателя (в их числе, например, Г. Борн, Э. Вернер, Ф. В. Хаклендер, А. Глазер, Е. Денрот, Г. Кениг, Л. Шюкинг, К. Френцель и др.).

Довольно подробное объяснение причин популярности «полулюбочных» и даже «любочных» исторических романов у широкого российского читателя второй половины XIX века дал Н. А. Рубакин в предисловии к уже упоминавшемуся нами «Указателю исторических романов» А. В. Мезьер²². Необычность и даже парадоксальность его точки зрения заключается «в защите не только хороших, но и всяких исторических рома-

нов», даже тех, которые заслужили «дурную славу». Убежденность автора основывается на особом действии исторического романа на читателя: «Из числа элементов этого влияния на первом месте нужно поставить, — пишет Рубакин, — элемент правды, элемент исторической достоверности, истинности (действительной или воображаемой), который есть (или предполагается читателем) в каждом историческом романе»²³. Причем исторический роман, рассуждает далее Рубакин, располагает возможностью наикратчайшим и наилегчайшим путем довести до читателя отвлеченные идеи. Этот путь пролегает через образы. Кроме того, «даже при том условии, что роман этот грешит многим против науки, он все же представляет собою леса, необходимые для постройки миросозерцания. Эти леса могут впоследствии и сами собою развалиться; может развалить их и сам человек, но свое дело они сделают, и это дело не малое. <...> Вдумываясь в архитектуру романа, читатель идет по той же дороге анализа и синтеза, которою шел и автор его, изучавший и описывавший такие-то исторические события. Читатель изучает и оценивает таким способом и мировоззрение автора, его отношение к таким и иным общественным группам, к событиям, героям, и, главное, к маленьким людям, над которыми история и пробует свою силу. <...> Перед читателем не только «делатели истории», но и те, кто переносит этот процесс «делания» на своей шее. <...> Он (исторический роман — *Е. З.*) всегда и везде выводит человека из его кельи под елью и показывает, что жизнь — своего рода система концентрических кругов, и за границей одного круга лежит другой, еще более широкий, а там еще и еще, все шире и шире, и все они тесно и неразрывно связаны между со-

бою тысячами разнороднейших уз, и все влияют один на другого и зависят один от другого, и изменения в одном из них непременно отзываются на всех других. Исторический роман не может не расширить кругозора читателя и в пространстве, и во времени, и в глубину, и в высоту»²⁴.

Приведенный обзор изданий и отзывов свидетельствует о бесспорно широкой распространенности и значимости немецкой художественно-исторической прозы второй половины XIX века в современной ей России. Эпоха подготовки и осуществления буржуазных реформ породила настоятельную потребность в чтении в самых разных слоях русского населения, включая так называемую «низовую» читательскую аудиторию. Широкий читатель искал в историческом романе «уроков для жизни», ответов на вопросы «как жить, во что верить и во что не верить», и «ответов не только принципиального, но и делового характера», «необходимых для жизни знаний»²⁵.

В первые послереволюционные годы в центре внимания российских лидеров мнения в области литературы оказалась историческая проза К. Ф. Мейера. Менее чем за десять лет (с 1918 по 1926 год) вышло восемь отдельных изданий его произведений (дважды — в серии «Всемирная литература» с предисловиями А. М. Горького и А. Г. Горнфельда), в том числе роман «Юрг Енач» («Jürg Jenatsch», 1874), новеллы «Святой» («Der Heilige», 1880), «Плавт в женском монастыре» («Plautus im Nonnenkloster», 1881), «Судья» («Die Richterin», 1885), «Анджела Борджа» («Angela Borgia», 1891)²⁶.

Российской критикой этого времени был замечен также роман Ф. Маутнера «Ипатия» («Hypathia», 1892) о трагической судьбе красавицы Ипатии, матема-

тика, астронома и философа знаменитой Александрийской школы (Маутнеру принадлежит, кроме того, исторический роман «Ксантиппа» («Xanthippe», 1889) о жизни Сократа, переведенный на русский язык в 1892 году). В журнале «Печать и революция» (1925) была опубликована рецензия на второе издание романа, вышедшее в 1924 году (первое русское издание было осуществлено в 1893 году). Рецензент обращает внимание читателей на созвучность времени, которое переживала Россия в первые десятилетия XX века, сложного и драматичного периода европейской истории, изображенного в этом романе: угасание античной культуры и утверждение эры христианства. Он отмечает, что автору удалось показать трагический характер движения истории в момент зарождения «новой формы культуры», «новой организации общества». К достоинствам романа автор рецензии относит «хороший, очень европейский язык» книги, а также сатирическое мастерство Маутнера при «изображении безумств анахоретов и того «устраивания делишек», которое происходит под флагом религии». Однако «автору-скептику», в очередной раз сделавшему носителями истины «немногих просвещенных духом», царящих над «бессмертной чернью», недостает, по мнению рецензента, «ясных симпатий и антипатий», что лишает произведение «внутренней идеологической стройности»²⁷.

На самом деле Маутнера вряд ли интересовала подобная «идеологическая стройность» или «классовая подкладка новой религии», хотя рецензент, безусловно, прав, когда отмечает сатирическую антирелигиозную заостренность произведения. Идеологическая ангажированность и пропагандистский пыл мешают ему заметить очевидное: роман направлен против официальной церков-

ности как орудия власти и принуждения, а не против религии и веры как таковой. Более того, именно вера как высоко-нравственное и созидательное чувство помогает главным героям романа Маутнера идти по трудной и бесконечной дороге обретения истины бытия. В этом стремлении в высь, в «неутолимой жажде идеала» (Маутнер) и заключается, на наш взгляд, лейтмотив образа Ипатии.

После жесткого приговора Лукача, о котором шла речь в самом начале статьи, немецкая историческая проза второй половины XIX века попадает в России в полосу отчуждения. Мы уже отмечали спорадический характер изданий переводов в это время. То же самое можно сказать и об откликах на нее.

С конца 70-х годов прошлого века ситуация начала постепенно меняться. В 1977 году в книге «Теория литературных стилей: Типология стилового развития XIX века» выходят две большие статьи А. В. Михайлова, посвященные типологическим особенностям эпического стиля в литературах Германии и Австрии. Отправной точкой его анализа служат исторические романы «Витико» А. Штифтера и «Перед бурей» («Vor dem Sturm», 1878) Т. Фонтане. Исследователь, в частности, пишет: «Штифтер в Австрии и Фонтане в Германии создают два совершенно различных типа исторического романа. Реалистическая точность, непредвзятость, широта воспроизведения действительности, универсализм и величие истории народов, воплощаемой средствами литературы, — к этому стремились творцы нового эпического романа во второй половине XIX века <...> Однако для Фонтане создание эпического романа было не высшей и завершающей стадией развития, как у Штифтера, а начальной точкой развития». В романах Фонтане обнаруживается движение к изображению действи-

тельности «через детали и частности, через смысловую объемность всего самого малого»²⁸.

В 1981 году в издательстве «Прогресс» выходит сборник немецкой художественно-исторической прозы XIX века, составленный А. В. Михайловым. В эту небольшую антологию вошли четыре произведения. В число избранниц на роль «шедевров художественного историзма», по определению составителя, наряду с «Михаэлем Кольхаасом» (1810) Г. фон Клейста, «Монастырем близ Сендомира» (1827) Ф. Грильпарцера, «Горным лесом» (1844) А. Штифтера попала и историческая повесть «Шах фон Вутенов» (1882) Т. Фонтане. В предисловии к сборнику Михайлов возвращается к проблеме исторического жанра в немецком искусстве XIX века и задает себе и читателю вопрос, «богат ли немецкий XIX век такими художественными созданиями, которые подлинным образом, не поверхностно и не внешне, отражали бы в себе историю». Ответ получился, в сущности, отрицательным: «подлинно творческой, настоящей встречи художника и истории можно здесь ждать лишь в виде исключения», несмотря на то, что «всему немецкому и австрийскому искусству XIX века свойственны известная историчность и в любом случае интерес к истории (и сама современность тоже постигается как момент в историческом движении)». Отвечая на следующий, логично возникающий у читателя вопрос, — почему, Михайлов пишет, что «дело не только в характере, какой приняла немецкая история в XIX веке — история с ее незавершенными социальными революциями и тяжелым гнетом строя, в котором феодальная неподвижность вступила в противоречивый союз с капиталистической динамикой». Немецкий писатель XIX века оказался, по мысли исследователя, в плену культур-

ной традиции и «художественной предвзятости, как бы заранее расчерчивающей способы отражения истории и определяющей в сфере художественного творчества, что более, а что менее ценно». Именно такая «история, которой заведомо придается возвышенность, приподнятость, которой поручено замещать утраченный смысл великого жизненного целого, — продолжает Михайлов, — соблазняет художника на то, чтобы идти путем стилистических упражнений и эпигонства». «При этом творческие импульсы реализма, столь естественные для середины века, должны были уживаться с тенденцией к символической трактовке истории <...>. Так это было (за редкими исключениями) у драматургов Ф. Геббеля и О. Людвига, так — и у Рихарда Вагнера <...>. Даже в «Нюрнбергских мастерзингерах» (1862) <...>, произведении, романтически окрашивающем исторически реально переданную среду Нюрнберга XVI века, Вагнер <...> в целом провозглашает неопределенный и столь же патетический идеал «немецкого», где, очевидно, миф об истории берет верх над трезвым взглядом на историю»²⁹. Авторам, произведения которых вошли в сборник, удалось каждому по-своему, по мысли Михайлова, «вырваться из пут официально-литературных нормативов», преодолеть мифолого-аллегорическую трактовку истории и романтическое любовование «беспредельностью исторических путей». Нам в данный момент интересны прежде всего наблюдения российского германиста в отношении Фонтане. «Тут далеко от Вальтера Скотта и рукой подать до конца века. <...> Художник предпочитает прочитывать жизнь и историю через, казалось бы, незначительное, мелкое, стороннее. <...> Не квинтэссенция исторического, а неочищенный, подлинный, пряный, про-

тиворечивый, землистый вкус истории <...> Превращение обыденных вещей и самой пыли истории в красоту и полновесность образа истории, — это самое удивительное, что создается в романах Фонтане. Такое превращение вещей в красоту, которое не отнимает у каждой из них в отдельности и доли всей их неприглядности, решительно отличает Фонтане от всех немецких реалистов и натуралистов его эпохи»³⁰.

Работы А. В. Михайлова стали своеобразным сигналом к научному осмыслению феномена немецкоязычной художественно-исторической прозы XIX века, в том числе и его второй половины. Подтверждением этому служат диссертационные исследования 1980-х годов о «романах из отечественной истории» В. Алексиса (Г. Г. Ишимбаева), о принципах историзма и художественном методе К. Ф. Мейера (Л. Э. Ребер), об эволюции исторической прозы В. Раабе (Е. Н. Золина).

Научную новизну диссертационного исследования Л. Э. Ребер, посвященного творчеству Мейера, призвана определять идея о диалектике развития в его творчестве реалистических и романтических, позднее — неоромантических тенденций, обусловивших специфику принципов историзма писателя. Автор акцентирует внимание на первостепенной роли «нравственных параметров процесса исторического развития» для Мейера, на его нацеленности на изображение яркой и незаурядной личности, позволяющей выразить вечное, «общечеловеческое», непременно проглядывающее у него через все историческое. Проявление неоромантических тенденций в творчестве Мейера исследовательница усматривает в перенесении акцента с «конкретного и всестороннего изображения среды как объективной детерминирующей силы» на «внутренний

мир самоценной человеческой личности», в героя, который «предстает не столько как единичная индивидуальность, сколько еще и как некая модель «вечночеловеческого», в резком отделении героя от фона. Отстаивая свою точку зрения, Л. Э. Ребер вынуждена, однако, оговаривать всякий раз, что неоромантические тенденции во многом основываются на принципах и завоеваниях реалистического письма: «В новелле (речь идет о «Женитьбе монаха» — Е. З.) налицо моделирование ситуации, а не художественное освоение исторического пространства и времени. Однако исторические приметы важны, так как они определяют необходимые параметры для повествования». Или далее: «Даже изображаемый в «широчайших масштабах» человек предстает в неоромантизме все-таки не как абстрактная модель, не только как воплощение «общечеловеческого», но и часто как сложная противоречивая индивидуальность. Так, у Мейера это чувство психологически-проблемного выразилось в повышенном интересе к типу человека с расщепленным сознанием...» и т. п.³¹. Нам представляется, что специфика мейеровского освоения исторического материала заключается прежде всего в слиянии скупого, но по-вальтерскоттовски четко выверенного объективно-реалистического воссоздания исторического хронотопа и психологизма, особенностью которого в свою очередь является раскрытие внутреннего мира персонажа через поступки и внешние проявления душевного состояния героя (жесты, мимика, тон речи и пр.)³².

Основной пафос работы автора данной статьи об историческом жанре в творчестве В. Раабе (как и последующих публикаций, посвященных этой теме) сводится к мысли о том, что его исторические романы и повести — «Священ-

ный источник» («Der heilige Born», 1861), «Канцелярия господня» («Unseres Herrgotts Kanzlei», 1862), «Черная галера» («Die schwarze Galere», 1861), «Эльза из леса» («Else von der Tanne», 1865), «Возвращение домой» («Der Marsch nach Hause», 1870), «Одфельд» («Das Odfeld», 1888) и др. — отразили генеральную линию эволюции немецкой исторической прозы второй половины XIX века, суть которой заключается в движении от многословного бытописательства и внешней, поверхностной историчности, излишней патетики и надуманности при воссоздании прошлого, героизации и символической персонификации его к четкой композиционно-повествовательной структуре произведений, минимизации жанровой формы, к изображению единичного и индивидуального в историческом процессе, реалистичности действия и характеров героев, историчности их психологии³³. Эта линия эволюции соответствовала общей тенденции развития мирового исторического жанра поствальтерскоттовской эпохи: макроисторизм В. Скотта, то есть историзм в изображении социального бытия в его основных тенденциях, нравов, «вещных атрибутов» и прочих массовых феноменов, характерных для определенной исторической эпохи, распространяется на микроуровень (а в

классических образцах жанра гармонически дополняется, углубляется микроисторизмом) рядовой, малозаметной и в то же время уникальной человеческой личности, обладающей исторически обусловленным, но индивидуальным восприятием жизни, смерти, любви, дружбы, семьи и т. п., на уровень конкретного индивида, поступки которого могут идти в разрез с ментальными и поведенческими стереотипами общества, в котором он живет, и тем не менее способны выражать «культурное всеобщее» и «пределный замысел» определенной эпохи.

В последние годы сделаны первые шаги к научному освоению исторической прозы еще целого ряда немецких писателей второй половины XIX века³⁴. Эксгумация достойных внимания российских читателей авторов и произведений из «братских могил бывших знаменитостей» должна быть продолжена. Нового прочтения и научного исследования ждут романы «Эккхард» Шеффеля, «Аспазия» Хаммерлинга, «Нерон» Экштейна, исторические хроники Шторма... Эта надежда позволяет поставить многоточие не только в конце предыдущей фразы, но и в культурном диалоге между Россией и Германией, который ведется посредством немецкой художественно-исторической прозы второй половины XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Eggert H. Studien zur Wirkungsgeschichte des deutschen historischen Romans 1850–75. Frankfurt a/M., 1971. S. 213–246. На этих страницах в исследовании Х. Эггерта, посвященном проблеме общественного восприятия немецкого исторического романа 1850–75 годов, располагается составленный им перечень немецкоязычных исторических романов 1850–1900 годов. Он насчитывает около 800 томов (без учета произведений малых жанров).

² Лукач Г. Исторический роман и кризис буржуазного реализма // Литературный критик. 1938. № 3. С. 72. Исключение Г. Лукач делает лишь для К. Ф. Мейера, получившего, как он пишет, «большую известность даже за пределами литератур немецкого языка».

³ Мезьер А. В. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. СПб., 1902.

⁴ Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1898. С. 125–128.

⁵ *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991. С. 70.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Ср.: *Ишимбаева Г. Г.* Исторические романы В. Алексиса 30–50-х гг. XIX в. М., 1989. С. 9 и далее.

⁸ Подобная оценка творчества Алексиса прозвучала также в журнале «Современник»: «Он (Алексис — *Е. З.*) давно уже получил первое место между современными историческим романистами, и если бы в нем было поболее жару, увлечения, быстроты, а поменьше северо-немецкой рефлексии, то он занял бы место между величайшими рассказчиками». См.: Новейшие немецкие романисты // Современник. 1854. Т. 44. С. 91.

⁹ *Булгаков Ф. И.* Исторический роман на западе // Исторический вестник. 1884. № 8. С. 399.

¹⁰ Ср. отзыв рецензента «Беседы» на первое произведение цикла: «Роман "Инго и Инграбан" — это, в своем роде, соное переложение песни о "Нибелунгах" <...>, но без главного достоинства, одухотворяющего все, без светло-наивной веры и сочувствия к изображаемому, которая заменяется эрудицией и обстоятельностью опытного антиквария. Бытовые подробности, изобилующие в обоих рассказах ("Инго и Инграбан"), отделаны весьма тщательно и воссоздают перед читателем *обстановку*, среди которой действует герой, но они не могут передать того духа, того умственного склада, который в ней развивался». Далее автор рецензии упрекает Фрейтага за «манерность» и «ритмичность тех речей, которые вкладываются в уста богатырям <...>, как будто к числу всевозможных добродетелей древних германцев должна еще принадлежать и способность говорить звучными периодами! Так бывало в псевдо-исторических романах русских и драмах, писанных по Карамзину, герои не говорили иначе, как по всем правилам здоровой риторики». См.: Ingo und Ingraban. Von Gustav Freitag. Lpz., 1872 [Рецензия] // Беседа. 1872. Кн. XII. С. 89.

¹¹ *Булгаков Ф. И.* Указ. изд. С. 400. Более детальный анализ творчества Фрейтага был дан известным публицистом К. К. Арсеньевым, который весьма высоко оценил его романы из современной жизни. Однако Фрейтагу-автору исторических романов досталась изрядная доля критики: Арсеньев упрекал его в «односторонности» и «ложной идеализации» при изображении человека среднего сословия, несвободе от «сословных, корпоративных и национальных предрассудков» и т. п. См.: *Арсеньев К. К.* Современный роман // Вестник Европы. 1879. № 4. С. 489–490.

¹² Ср. оценку критика «Русской мысли»: «При всей любви к детальным исследованиям Шеффель сохраняет всегда свободный взгляд и открывает при всяком удобном случае широкие перспективы; его лица являются всегда верным отражением своего времени». См.: [В. М. Р.] Из истории немецкой литературы XIX в. // Русская мысль. 1890. Кн. 11. С. 52.

¹³ *Булгаков Ф. И.* Указ. соч. С. 403–404.

¹⁴ Там же. С. 402.

¹⁵ Там же. Выбор двух последних авторов выглядит случайным, так как оба были более известны как поэты, и одновременно показательным, подтверждающим популярность исторического жанра в писательской среде Германии второй половины XIX века.

¹⁶ Еще в 1865 году «Отечественные записки» охарактеризовали культурно-исторический роман как одно из главных направлений современной немецкой беллетристики. «Основа его — дать подкладку общественной пользы тому роду романа, который в руках В. Скотта имел исключительно свободный художественный характер». Однако пока, по мнению критика, «они (сочинители культурно-исторических романов — *Е. З.*) ограничиваются подбором одних внешних подробностей и, разумеется, очень далеки от вальтер-скоттовского проникновения в характер изображаемой эпохи». См.: Новые романы немецкие и французские // Отечественные записки. 1865. № 158. С. 220. Авторам более поздних публикаций удается найти немецкие образчики «замечательного культурно-исторического романа». В частности, достаточно высоко как произведение «о крайне интересном и важном для нас (русских — *Е. З.*) в настоящее время периоде всемирной истории» был оценен критикой роман Р. Швейхеля «За свободу» («Um die Freiheit», 1899) из истории крестьянской войны 1525 года в Германии, русский перевод которого был опубликован в 1906 году. См.: *Швейхель Р.* За свободу. М., 1905 [Рецензия] // Русская мысль. 1906. № 8. С. 201.

¹⁷ *Булгаков Ф. И.* Указ. изд. С. 404.

-
- ¹⁸ Френцель Д. Современная немецкая литература // Русское слово. 1861. № 2. С. 22–23.
- ¹⁹ [В. М. Р.]. Указ. изд. С. 45.
- ²⁰ Френцель Д. Указ изд. С. 18.
- ²¹ Альберт-Эмиль Брахофогель (некролог) // Живописное обозрение. 1879. № 10. С. 223.
- ²² Рубакин Н. А. Исторические романы и преподавание истории // Мезьер А. В. Указ. изд. С. 1–30. В этой работе нет специального исследования немецкого исторического романа. Однако высокая частотность примеров из немецкой литературы второй половины XIX века и использование знаковых для Германии фигур этого жанра дают нам основание обратить внимание на суждения Рубакина.
- ²³ Там же. С. 10.
- ²⁴ Там же. С. 11–15.
- ²⁵ Мезьер А. В. Читатель и книга // Север. зап. 1913. № 8. С. 146.
- ²⁶ История восприятия творчества Мейера в России достаточно подробно изложена известным специалистом в области русско-немецких и русско-швейцарских литературных связей Р. Ю. Данилевским: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.
- ²⁷ [Федоров-Давыдов] Фриц Маутнер. Гипатия: ГИЗ. 1924 [Рецензия] // Печать и революция. 1925. Кн. 2. С. 281–282.
- ²⁸ Цит. по: Михайлов А. В. Детализация действительности у Теодора Фонтане // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 380–393.
- ²⁹ Михайлов А. В. Голоса истории на языке поэтического реализма // *Aus der Welt der Geschichte. Deutschsprachige Erzähler des 19. Jhs. M.*, 1981. С. 10–17. В известном смысле эта точка зрения получает развитие в работах Г. С. Руцкой о романтической традиции в немецкой литературе второй половины XIX века. Она, например, пишет об «осознанной установке <Ф. Дана> на создание обобщающих символических образов», воплощающих «определенный нравственный тип поведения», о контрастном строении образной системы и ее «яркой экспрессии», об идеализации образов германцев, о культурологической экзотике, о «привлечении мистического и сказочного» в его исторических романах и т. п. См.: Руцкая Г. С. Романтическая традиция в немецкой литературе второй половины XIX века (Ф. Дан, К. Май) // Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе. Пермь, 1999. С. 56–60.
- ³⁰ Михайлов А. В. Голоса истории... С. 22–29.
- ³¹ Ребер Л. Э. Принципы историзма и проблемы метода К. Ф. Мейера. АКД. М., 1988. С. 12, 17.
- ³² См. об этом также: Павлова Н. С. Конрад Фердинанд Майер // История швейцарской литературы. Т. 2. М., 2002. С. 208–238.
- ³³ См.: Золина Е. Н. Исторические романы и повести Вильгельма Раабе. АКД. Л., 1986.
- ³⁴ См., например: Кобзарева Л. В. Принципы построения характера в романе Т. Фонтане «Шах фон Вутенов» // Проблема характера в зарубежной литературе. Свердловск, 1991. С. 26–34; Руцкая Г. С. Роман Георга Эберса «Уарда»; Повесть Вильгельма Раабе «Черная галера» // Руцкая Г. С. Романтическая традиция в немецкой литературе второй половины XIX в. в свете категории меры. Пермь, 1999. С. 37–49; 56–62; Золина Е. Н. Немецкая историческая беллетристика второй половины XIX в. Иваново, 2001 и др.

E. Zolina

**GERMAN BELLE-LETTRES HISTORICAL PROSE
OF THE SECOND PART OF THE XIX CENTURY
AND THE RUSSIAN READER**

The paper is dedicated to Russian-German literary contacts. The dynamics of publications of Russian translations of German belle-lettres historical prose of the second part of the XIX century and the history of its reception in Russia are investigated.